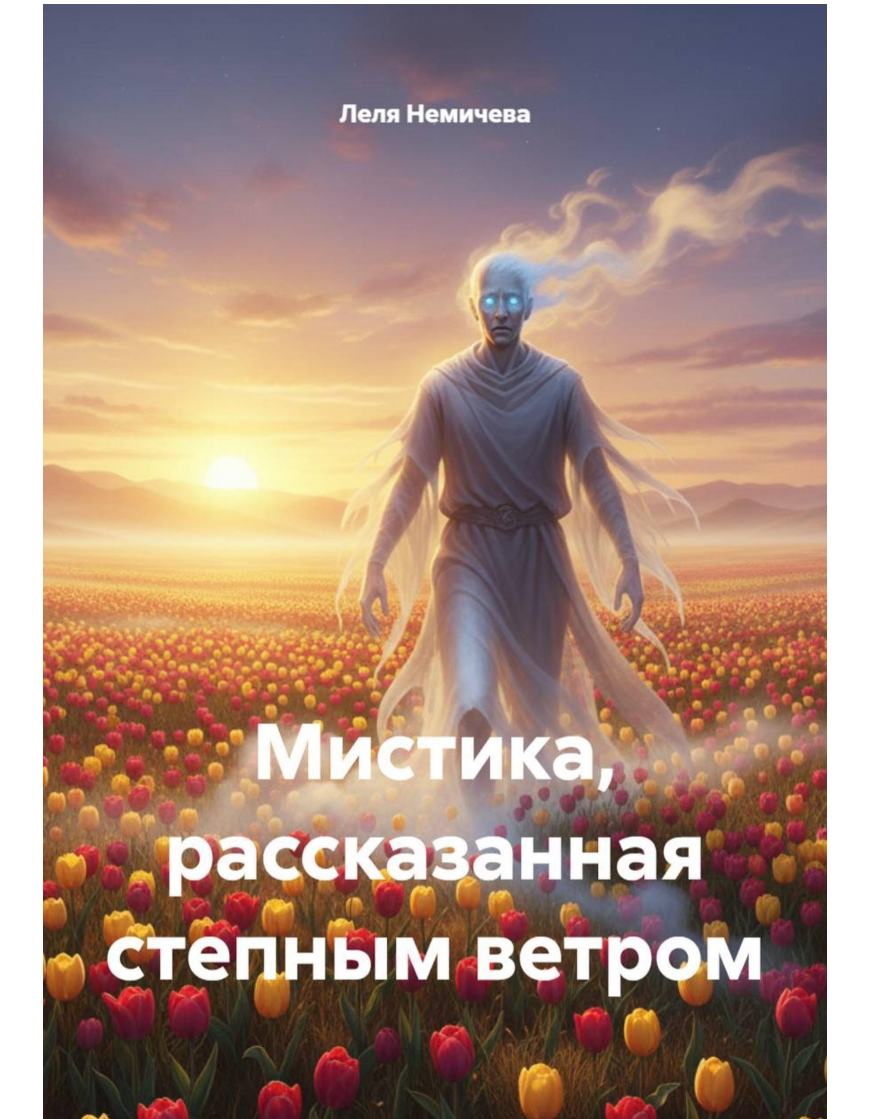

Леся Немичева

A man with glowing blue eyes and wind-like hair, wearing a white robe, stands in a field of colorful tulips at sunset. The sun is low on the horizon, casting a golden glow over the scene. The man's hair and the ends of his robe are blowing in the wind, creating a sense of movement and mystery. The tulips in the foreground are in various colors, including red, yellow, and purple, and are in full bloom. The background shows a vast landscape with mountains under a cloudy sky.

**Мистика,
рассказанная
степным ветром**

Леся Немичева
Мистика, рассказанная
степным ветром

<https://litres.ru/73482727>

SelfPub; 2026

Аннотация

Любите «таинственную Россию» и истории, в которых быт становится страшнее мистики? Этот сборник для вас. Здесь нет вампиров и оборотней. Здесь есть одинокая вдова, которую вся деревня считает ведьмой, машинист, везущий свой последний поезд, и девушки, вызвавшие не того духа... За каждой историей реальный протокол и та самая «нить», что связывает нас с прошлым.

Леля Немичева

Мистика, рассказанная степным ветром

Пролог

Говорят, мистика ушла вместе с веком суеверий. Испарилась вместе с появлением электричества и асфальта, скрылась за пластиковыми трубами, стерильными больницами и сухими отчётами казённых комиссий. Говорят, что мы стали умнее. Рациональнее. Защищённее. Но так ли это?

Меняются декорации: белёные мазанки сменяются многоэтажками, чадающие керосиновые лампы уступают место яркому свету диодов, старые кладбища застраиваются богатыми постоянными дворами, а на месте пыльных степных троп прокладывают стальные рельсы. Меняются названия должностей, формы отчётов и сухие формулировки в рапортах. Только человек остаётся тем же.

Остаётся его первобытный страх. Его вина. Его любовь — светлая и разрушительная. И его глухая тоска по тем, кого уже никогда не вернуть.

Мы научились объяснять многое. Но далеко не всё. И даже когда мы находим случившемуся логическое объяснение — остаётся осадок. Остаётся тихий шёпот. Непонятная, тянущая тяжесть в груди. Знакомое, липкое чувство, будто

кто-то невидимый прямо сейчас стоит у тебя за спиной и пристально смотрит.

Граница между мирами проходит вовсе не во времени. Она проходит внутри нас. Иногда она проявляется в случайном скрипе половиц. Иногда — в тихом детском плаче, который отчётливо слышится сквозь годы в пустом ночном саду. Иногда — в снах, куда приходят те, кого мы так и не успели простить.

Призраки не умирают. Они просто меняют форму. Они больше не всегда носят белые саваны и совершенно не обязательно гремят цепями. Иногда они тихо живут в заброшенном старом доме или в памяти одной семьи. Иногда они прячутся в навсегда не выговоренном слове. А иногда — в том единственном, роковом решении, которое человек принял однажды, но так и не смог с ним дальше жить.

Эти истории — не про тьму ради тьмы. И не про страх ради страха. Они — про цену человеческой любви. Про неподъёмную тяжесть вины. Про древнюю землю, которая намертво помнит шаги тех, кто когда-то по ней ходил. И про горячий степной ветер, разносящий над ковылём шёпот прошлого.

Мы — лишь временные хранители этих голосов. Мы моем полы в комнатах, где когда-то ликовали и ломались чужие судьбы. Мы живём на земле, глубоко под которой лежат истлевшие кости и забытые обещания. Мы беззаботно смеёмся под раскидистыми абрикосами и пьём обжигающий чай

в июльскую жару, даже не замечая, как совсем рядом, в той же самой густой тени, тяжело дышит чья-то невысказанная боль.

Этот сборник — не попытка доказать существование потустороннего. Он — напоминание. Напоминание о том, что мистика никуда не исчезла. Она просто стала тоньше. Тише. И гораздо ближе.

Прислушайтесь. Возможно, и ваша бабушка знала такие истории. Возможно, и вы сами когда-нибудь краем глаза видели или слышали что-то, чему так и не нашли рационального объяснения. А может быть, самая страшная тайна — это вовсе не то, что приходит к нам извне. А то, что мы сами навсегда носим в себе.

Открытые двери и запретные пороги

Вспоминается мне моя детская Элиста: белёные дома-мазанки, утопающие в слепящем зимнем солнце и пронзительном степном ветре. А самым волшебным временем была неделя между Новым годом и Рождеством. Тогда праздновали не для галочки, а всем миром, и слово «вместе» имело густой вкус домашних лепёшек и звон искреннего детского смеха.

Бесчисленные родственники, друзья, соседи — хождение по гостям продолжалось до самого утра. У моей мамы день рождения выпадал как раз на Сочельник, и даже в лихие девяностые в эти сутки дверь нашей квартиры практически не

закрывалась. Постоянные стайки раскрасневшихся с мороза детей — русских, калмыков, без разбора — несли в дар кутью, а взамен получали полные горсти конфет и заветные хрустящие купюры. Взрослые, ряженые и не очень, шумно ходили из дома в дом. Столы ломились у всех, а горячительные запасы для этих дней бережно собирались за три месяца.

А потом мы подросли.

В шестнадцать, по меркам наших стариков, мы уже считались достаточно взрослыми для святочных гаданий. И вот мы, такие «взрослые», собрались у подруги в маленьком доме-кухне. Её родители ушли отдыхать в большой дом, мы, шестеро отчаянных девчонок, остались на ночёвку за три дня до Рождества. С трепетом в груди и тайной надеждой прикоснуться к чуду.

Главными «жрицами» назначили Наташиных двоюродных сестёр — тех, что были на десять лет старше и уже не раз проходили этот мистический путь. С максимально важным видом они нарисовали на листе ватмана магический круг с алфавитом, вручили нам лёгкое фарфоровое блюдце и восковую свечу и, дав строгий наказ следить за огнём, удалились, оставив нас наедине с незримым миром.

Мы, вечно хохочущие и непоседливые, поначалу ничего не могли добиться. Кто-нибудь обязательно не выдерживал, фыркнул в кулак — и блюдце лежало мёртвым грузом, безжалостно разоблачая нашу детскую неумелость. Но потом, в какой-то неуловимый миг, оно дрогнуло. Сначала еле замет-

но, а потом всё увереннее поползло по бумаге, будто невидимая, холодная рука тяжело легла поверх наших дрожащих пальцев. Сначала нас обуял страх, леденящий душу, но тут же ему на смену пришло жгучее, до мурашек, любопытство. Оно и правда двигалось само!

Хотите — верьте, хотите — нет. Но сейчас, в свои пятьдесят, я с холодком по спине понимаю: всё, что это блюдце нам тогда наговорило, было чистой правдой. Нашей юной, глупой правдой, которая неумолимо, до буквы исполнилась спустя годы.

Мы, опьянённые внезапной властью над потусторонним, вызывали всех подряд. Кстати, духи Пушкина с Есениным отделали нас таким трёхэтажным, изошрённым матом, что мы аж опешили от неожиданности. Сейчас-то я с улыбкой думаю: им просто смертельно надоело. Видно, кому не лень, особенно в Сочельник, дёргают классиков по пустякам. Тут любой бы заматерился. Другие сущности вели себя иначе: кто-то умолял отпустить его, словно мы нечаянно выдернули его из глубокого покоя, кто-то, казалось, с удовольствием задерживался для неспешной беседы — но ненадолго.

И вот, в этом мистическом угаре, кому-то пришла в голову «гениальная» идея — вызвать чёрта. Не знаю, чья это была мысль, но она повисла в воздухе, сладкая и запретная. Тогда мы, с одной стороны, уже верили своим глазам, а с другой — нам всё ещё казалось, что это просто щекочущая нервы игра. В общем, вызвали. И вот тут игра резко кончилась.

Свеча, ровно горевшая до этого, вдруг бешено затрещала, задымилась едким чёрным дымом и мгновенно погасла, словно её захлебнула сама тьма. А за окном, в разорванной кромешной тишине, раздался протяжный, вибрирующий, абсолютно нечеловеческий вой, от которого кровь мгновенно стыла в жилах.

Как мы летели кубарем к выключателю, путаясь в собственных ногах, визжа и давя друг друга — не помнит, наверное, никто. Потом крестились и молились, кто как умел, сбиваясь и путая слова — нас в ту пору молиться толком не учили. А потом сидели на диване, намертво прижавшись друг к другу, и до самого серого утра, содрогаясь от каждого шороха, дожидались, когда же можно будет сбежать из этого дома. После той ночи ни одна из нас больше никогда в жизни не прикасалась к спиритическому блюдцу.

Спустя много лет, встретив давно не виденную подругу, я услышала от неё историю, которая заставила меня вспомнить ту ночь. В семье её старшей сестры, Ольги, случилась беда — она внезапно и тяжело заболела. Сохла на глазах. И, как водится у нас в Элисте, в ход пошли все средства: от официальной медицины до бабушек-шептух. Поехала моя подруга в Ростовскую область к одной сильной знахарке, прихватив с собой недавнюю фотографию сестры.

Знахарка взяла снимок, долго смотрела на него, потом тяжело провела сухой рукой по глянцевой поверхности и говорит:

— Смотри.

В углу снимка, будто проступив из серой тени, стало вырисовываться лицо девушки. Подруга с ледяным ужасом узнала её: эта девица приходила на недавнюю свадьбу к Ольге в их родительский дом. Сидела за одним столом, широко улыбалась, пила шампанское и громко кричала тосты за молодых.

— Не просто так сестра твоя заболела. Сделала ей эту девка. Сама пришла и принесла с собой в дом порчу, — безжалостно продолжала знахарка, глядя на побледневшую подругу. — Но порча была слепая, наговорена просто на имя и год рождения невесты. Вспомни, ещё две Оли этого же года рождения на той свадьбе были?

И ведь правда! — рассказывала мне подруга, и голос её дрожал. — Кроме моей сестры, там были ещё две её ровесницы, и обе — Ольги.

Знахарка вздохнула:

— Зацепило всех троих.

Слова ведуньи оказались страшной правдой. Одна Оля вскоре после свадьбы попала в реанимацию с внезапным приступом, её еле вытащили с того света. А другую, их соседку по улице, насмерть сбила машина.

Мы с подругой сидели на кухне и молчали, и тишина между нами была густой, тяжёлой, почти осязаемой. И я подумала о том, как тонка и ненадёжна грань между детской, глупой игрой и взрослым, кристально осознанным злом.

Мы в свои шестнадцать лет, сами того не ведая, постучались в ту же самую тёмную дверь, что и та завистливая девушка со свадьбы. Только нам было просто любопытно наше будущее. Мы не желали никому зла, мы лишь играли со спичками и отделались испугом от потухшей свечи и леденящего душу воя за окном. Невидимый мир просто рыкнул на нас, чтобы не лезли, куда не просят.

А она... Она принесла этот ужас с собой. Спрятала его в кармане нарядного платья, вложила в него чужое имя, дату рождения и всю глухую, лютую ненависть своего сердца. И этот ужас, выпущенный ею на волю под звон свадебных бокалов, как невидимый ядовитый газ, начал тихо просачиваться в жизни ни в чём не повинных людей, ставших всего лишь мишенями в чужой больной игре.

Я думала о том, какую страшную, молчаливую черноту может годами вынашивать в душе человек. Это ведь не внезапная вспышка гнева, не сиюминутная обида. Это тупой, холодный червь, который точит человека изнутри годами, пока от него не останется одна лишь пустая скорлупа, до краёв наполненная ядом.

Эта девица сидела за праздничным столом, улыбалась, поднимала хрустальный бокал, а в это время её разум, словно мелочный счетовод, ведущий свою чёрную бухгалтерскую книгу, злобно высчитывал: «Вот они, счастливые, а я?.. Вот она, невеста, вся в белом сиянии любви, а мне достались лишь огрызки их внимания. Вот этот смех звучит для неё, а

обо мне все забыли».

И она не просто завидовала. Она кропотливо собирала эти мелкие обиды, как стервятник копит обглоданные кости, чтобы потом, в тиши своего уродливого внутреннего мира, свить из них гнездо для чёрного обряда. Она не хотела просто навредить. Она хотела присвоить, растоптать, стереть чужое счастье просто потому, что своего у неё не было.

И самое страшное в этой истории то, что она не была сказочным чудовищем с клыками. Она была обычной, ничем не примечательной женщиной, у которой просто не случилось чего-то главного в жизни. И эта недостача постепенно превратилась в огромную чёрную дыру внутри её души. А чёрные дыры — они ведь втягивают в себя всё: и чужой свет, и чужую радость, и чужие жизни. Не со зла. А просто по своей искажённой, разрушительной природе.

Только тем, кого эта дыра затягивает в небытие, от этого понимания ничуть не легче.

Чтоб ты иссохла, как сия трава

Элиста. Жаркое лето. Шесть утра, а южное солнце уже начинает нещадно печь макушку. Я, маленькая, в лёгкой ночнушке и с куклой под мышкой, терпеливо жмусь на деревянном крылечке. Жду, когда бабушка дometёт двор и щедро брызнет из ведра той самой едкой, пахучей водой на раскалённый асфальт, чтобы мухи до самого полудня не докучали.

Потом она переоденет меня, накормит горячей пшёнкой

кашей, сдобренной маслом, и мы пойдём поливать огород. А там меня ждёт моё любимое развлечение: ловля медведок. Это же целая наука для ребёнка! Ухватить эту жутковатую земляную тварь так, чтобы она своими мощными передними клешнями за палец не цапнула, и с победным криком бросить в курятник, на радость кудахтающим курам.

Вот такие у нас были нехитрые забавы.

— Бабуль, — говорю я, лениво отмахиваясь от назойливой утренней мухи, — расскажи ещё чего-нибудь страшное.

Бабушка на мгновение замирает, опершись сухими руками на черенок метлы, и долго смотрит куда-то в сторону выцветшей степи, будто ловит оттуда, из горячего ветра, ниточку давнего рассказа.

— Ну, что тебе рассказать?.. Это ещё моя бабушка сказывала. Было это в селе Камызяк, что на протоке Волги стоит. Люди там испокон веков жили за счёт рыбы, которой в те времена было видимо-невидимо. Село то в народе так и прозвали — Золотое дно.

Жила там семья Кузьминовых. Глава их, Прокофий, был мужиком суровым, тяжёлым и очень богатым. В селе его откровенно побаивались: мог, если что не по нём, большие неприятности чужому промыслу устроить. Была у него единственная дочка, Аграфена. Девка с лица неказистая, а нрав — что острый нож. Людей она сторонилась, улыбалась редко и слыла нелюдистой.

По соседству с ними проживал вдовец Ефим с сыном Сте-

паном. Пока дети маленькие были, жили двory дружно. А как подросли — влюбилась Аграфена в статного Степана до беспамятства. Да только он её не замечал, всё смотрел на Марфу — тихую, красивую девушку из бедной семьи. Уж и сватов к ней собрался слать.

Прослышал об этом Прокофий, пришёл к Ефиму, сел за стол и говорит напрямую:

— Пусть твой Степан на моей Аграфене женится. А не то... плохо вам всем будет. Сживу со свету.

Жалко ему было свою дочку, изводила она его каждый вечер своими горькими, злыми слезами. А Степан — ни в какую.

— Не нужно мне богатое приданое Аграфены, — твердит упрямо, — мне одна моя Марфа мила.

Но вот, спустя совсем немного времени, скрутила Степана неведомая, страшная хворь. Ни стоять, ни сидеть парень не может, сохнет на глазах. Да ещё и сети их рыбацкие на затоне стали рваться — ровно-ровно, будто кто-то ножом их под водой резал. А новая, только просмолённая лодка у причала вдруг дала течь и затонула.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.